

11. См. Л.И. Рахманова, В.А. Суздальцева. Современный русский язык. – М., изд-во МГУ, 1997. С. 346-347.
12. В.В. Виноградов. Указ. раб. – С. 208.
13. См.: Современный русский язык / Под ред Д.Э. Розенталя. – М.: Изд-во МГУ, 1971. – С. 261.
14. Ср. высказывание В.В.Виноградова: "... семантико-семантическая структура превосходной степени переживает сложный процесс. Происходит отчасти семантическое сближение форм – ейш-, – айш- с категорией субъективной оценки (элятив), отчасти аналитическое распространение её предложными конструкциями". См.: В.В.Виноградов. указ. раб. С. 209.
15. В.В. Виноградов. Указ. раб. – С. 206, 208.
16. И.И. Распопов, А.М. Ломов. Указ. раб. – С. 58.
17. См. учебник под ред. Д.Э. Розенталя. С. 261, а также: Современный русский язык. Анализ языковых единиц. 3 ч. Ч. 2. Л.Д. Чеснокова, В.С. Печникова. – М., 1995. – С. 49.
18. Н.А. Еськова. Указ. статья.
19. В.В. Виноградов. Указ. раб. С.211. Ср. иное мнение, высказанное Н.А. Еськовой в указ. работе.
20. См.: Л.И. Ушакова. Местоимение и их аналоги // РЯШ. – 1998. – № 1.

Соотношение категорий экспрессивности, эмотивности и оценочности в структуре лексического значения

В.Н. Цоллер

Научная мысль второй половины XX столетия характеризуется повышенным вниманием к человеку – центру мироздания, что предопределяет переориентацию исследований, наблюдаемую во многих фундаментальных науках. Доминирующим принципом научных изысканий становится принцип антропоцентризма, который в лингвистике связан прежде всего со стремлением рассмотреть языковые явления в диаде “язык и человек”, что означает исследование широкого круга языковых фактов, отраженных в языковом сознании говорящих или же отражающих присутствие говорящего в акте речи и установлении системы его координат (8, с. 139; 9, с. 223-224).

В рамках антропоцентрической парадигмы сформировались новые специальные области лингвистики – экспрессология, эмотология, аксиология и др. В этих направлениях в настоящее время активно работают такие отечественные и зарубежные лингвисты, как В.Телия, В.Шаховский, Л. Бабенко, Н.Лукьянова, Г.Скляревская, В.Харченко, А. Вежбицкая, Б. Волек, Дж. Эйчисон и др. Однако, несмотря на большое количество работ, появившихся в последние годы как в России, так и за рубежом, выполненных в антропоцентрическом ключе, многие проблемы, связанные с “человеческим фактором в языке”, остаются нерешенными.

К числу таких глобальных проблем относится проблема языковой концептуализации, вербализации и категоризации аффективной стороны человеческой деятельности, что связано прежде всего с изучением природы и функционирования важнейших лингвистических категорий – эмотивности, оценочности и экспрессивности, в их сложном взаимодействии и взаимосвязи в семантике слова и фразеологизма как основных языковых единицах, в значении которых объективируется эмоционально-оценочное отношение субъекта речи к действительности.

История изучения субъективно окрашенной стороны языка характеризуется многочисленностью и разнообразием направлений и концепции, что объясняется прежде всего сложностью и многогранностью самого объекта. Ранние работы, посвященные эмоционально-оценочным и экспрессивным аспектам языковых единиц, носили в

определенной степени конгломеративный характер, состоящий в том, что эмоциональные, оценочные и экспрессивные компоненты значения представлялись как некая совокупность, нерасчлененное образование, конгломерат, что находило отражение и в соответствующей терминологии: “экспрессивно-эмоционально-оценочные обертоны”, “экспрессивно-эмоциональная окраска”, “стилистическая окраска”, “аффективное значение”, “эмоциональная окраска” и др.

Нерасчлененное понимание экспрессии, эмоции и оценки находим у Ш. Балли, В.В. Виноградова, Д.Н. Шмелева.

Начиная с середины 70-х годов в лингвистике утверждается дифференцированный подход к изучению категории эмоциональности, оценочности и экспрессивности. Это способствовало существенному расширению знаний об этих категориях, определению содержания, формальных способов выражения, границ т.н. фонда экспрессивных, эмотивных и оценочных языковых единиц.

Именно в последние два десятилетия появились специальные фундаментальные работы, посвященные категории эмотивности (В.И. Шаховский, Л.Г. Бабенко, В.И. Болотов, А.А. Зализняк, И.И. Квасюк, Г.П. Пальчун, В.Е. Похмелка и др.); категории оценочности (Е.М. Вольф, Н.Д. Арутюнова, Т.В. Маркелова, М.А. Ягобова, М.С. Ретунская и др.); категории экспрессивности (Н.А. Лукьянова, Т.В. Матвеева, М.Н. Кожина, В.Н. Телия) коллективная монография “Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности” (13).

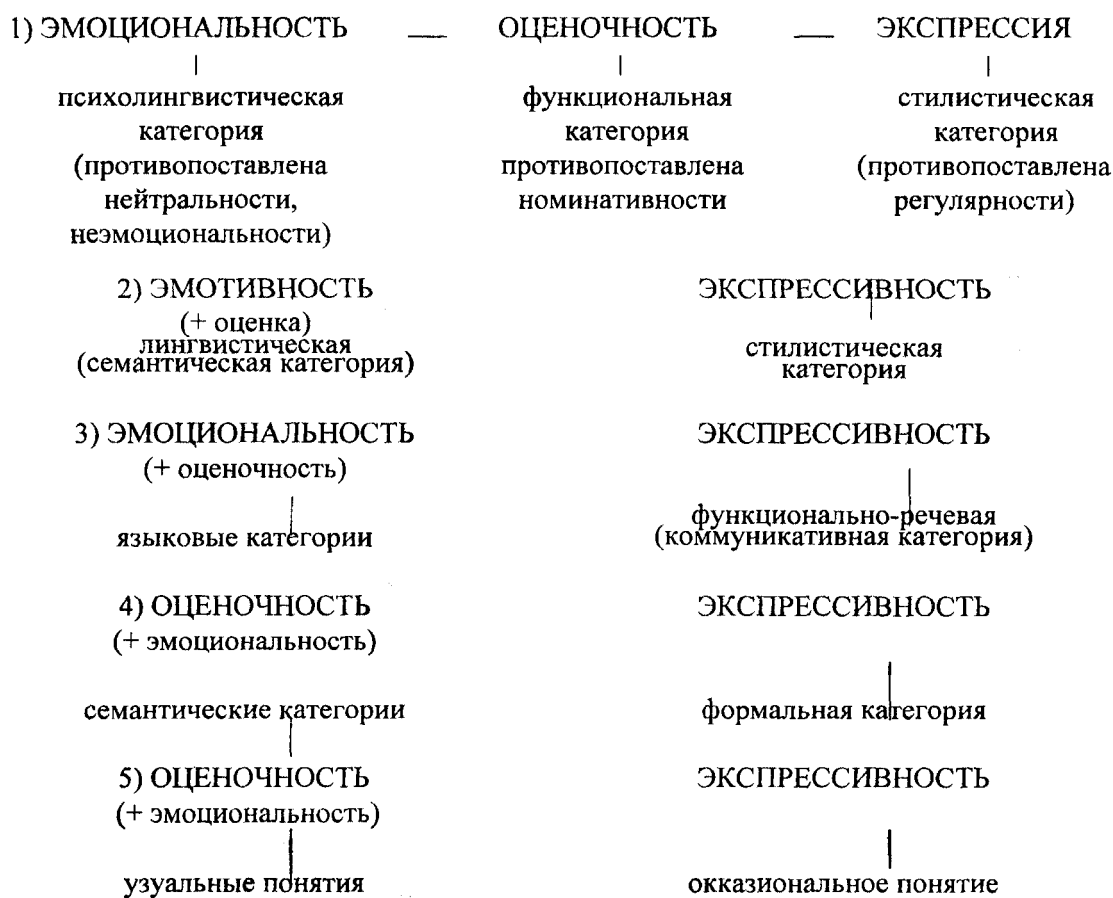
Благодаря этим работам в значительной степени была определена содержательная природа данных категорий, более четко оформлен терминологический аппарат, установлен характер локализации субъективно ориентированных компонентов в структуре лексического значения, выявлены особенности реализации категорий экспрессивности, эмоциональности и оценочности на разных уровнях языка.

Однако, несмотря на значительные успехи, достигнутые в этом направлении, по-прежнему остается много неясного в данной области, и особенно в отношении взаимодействия названных категорий, выявленных их общих и дифференциальных признаков.

Сторонники дифференцированного подхода так или иначе в своих исследованиях касались вопроса соотношения категорий эмоциональности, экспрессивности и оценочности, и здесь можно говорить о полной дифференциации данных категорий и частичной, или неполной, при этом оппозиции могут быть как двучленными, так и трех- и многочленными.

Проведенный анализ существующих позиций ведущих исследователей относительно различного статуса категорий эмоциональности (эмотивности), оценочности и экспрессивности (экспрессии) позволяет выделить ряд оппозиций, по которым противопоставляются данные категории:¹

¹ 1-я оппозиция соответствует точке зрения В.К. Харченко (12); 2-я – В.И. Шаховского (14); 3-я – М.Н. Кожинной (3); 4-я – М.С. Ретунской (6); 5-я – А.В. Филиппова (11)

При общем признании взаимосвязи экспрессивности, оценочности и эмоциональности, характер взаимодействия этих категорий представляется по-разному в лингвистической литературе. Основными видами взаимосвязи признаются отношения включения (Н.Д. Арутюнова, Е.М. Вольф, Н.А. Лукьянова, М.С. Ретунская, В.Н. Телия), наложения и взаимоинтенсирования (В.И. Шаховский), дополнительности (Ю.М. Осипов), отношения взаимопересечения и причинно-следственные (В.К. Харченко).

На наш взгляд, для того, чтобы определить характер взаимодействия категории эмотивности, экспрессивности и оценочности, реализующихся в семантике лексических единиц, необходимо прежде всего установить объективные трудности в их разграничении. Размышления над теоретическим и языковым материалом приводят к выводу о том, что трудности эти кроются как в содержательных признаках исследуемых категорий, так и в способах их формального выражения. Априори их можно свести к следующим параметрам: а) определенная соотносительность содержания; б) диффузность, “размытость” понятий; в) сходная (или одинаковая) локализация в семантической структуре слова; г) общие формальные и/или семантические показатели.

Соотносительность содержания проявляется в том, что в категориях эмотивности, оценочности и экспрессивности отражается так называемый “человеческий фактор в языке”, т.е. субъективно-личностное отношение к обозначаемым явлениям действительности; в них находит вербальное выражение аффективная сторона человеческой деятельности, это наиболее “гуманитарные”, антропоцентрические категории.

Из этого же вытекает и вторая особенность этих категорий и, следовательно, трудность в их дифференциации – это диффузность, “размытость” самих понятий “экспрессивность”, “эмотивность”, “оценочность”. Как отмечает В.И. Шаховский, эти понятия традиционно относятся к языковым явлениям, принципиально не поддающимся

ся строгой классификации, их принято считать “размытыми” понятиями с “расплывчатыми краями” (14, с.3).

Объективные причины этого, на наш взгляд, в том, что ценностная и эмоциональная картина мира языковой личности во многом совпадают, как бы накладываются друг на друга, ибо, выделяя и оценивая то или иное явление действительности в соответствии с определенной системой координат, субъект, как правило, выражает к нему эмоциональное отношение через языковые экспрессивные механизмы.

Что касается сходной локализации эмоциональных, оценочных и экспрессивных компонентов в семантической структуре слова, то этот вопрос уже можно считать в достаточной степени разрешенным. С утверждением в семасиологии метода компонентного анализа (Н.Г. Комлев, О.Н. Селиверстова, И.А. Стернин и др.), эти компоненты нашли свое место в семантической структуре слова. Как правило, они локализируются в коннотативном макрокомпоненте, что и вызывает определенные трудности в их разграничении.

Наконец, в плане выражения категории эмотивности, оценочности и экспрессивности также во многом сходны. Это связано с тем, что тот или иной формальный или семантический показатель может быть одновременно репрезентантом всех трех значений. Это относится к суффиксам субъективной оценки, эмоционально-оценочной образной метафоре, окказиональным способам и средствам словопроизводства и др. Например, в слове “фольклорщина” суффикс – ЩИН (а) является одновременно показателем отрицательной оценки называемого явления (т.е. субъект считает, что объект речи не соответствует определенному эталону, образцу); отрицательной эмоции – неодобрения, пренебрежения, поскольку субъект не бесстрастно выражает мнение о несоответствии данного объекта общепризнанной норме, а опосредованно через эмоционально-психическую сферу; кроме того, суффикс – ЩИН (а) является показателем экспрессивности, т.е. выделенности слова на фоне нейтрального “фольклор”. Пример: “То, что мы видим последние пять лет, это КИЧ, “фольклорщина на забаву за границе” (Из газ. “Сегодня”).

Ср. Также несколько поэтических контекстов:

1) Он зрел: как света бог с морями лишь сравнялся,

То алый луч по ним восколебался,

Посыпались со скал

Рубины, яхонты, кристалл,

И биссеры перловы

Зажглись на ветвях...

(Г.Державин)

2) Что ни вечер, солнце, в злате,

В яхонтах и в янтаре,

Умирает на костре.

(Вяч. Иванов)

3) Все небо в рубинах.

Шар солнца почил

(А. Белый)

4) И все перламутром и яшмой горит,

Но света источник таинственно скрыт. (А. Ахматова)

В данной образной парадигме выделяется метафора СОЛНЦЕ – ДРАГОЦЕННОСТЬ (алмаз, бриллиант, жемчуг, перл, рубин, перламутр, яшма и т.п.). Эта эмоционально – оценочная образная метафора является средством выражения высокой эмоциональной (и одновременно эстетической) оценки явления (солнце, солнечных лучей) и семантическим показателем высокой экспрессивности, т.е. яркости, образности. Это хорошо видно при наложении т.н. модальной рамки, включающей все эти параметры.

Алмаз (бриллиант, жемчуг и т.д.) – драгоценные камни (положительная дескриптивная оценочность), и то, что солнце, солнечные лучи подобны алмазам, бриллиантам и т.п. (образ, экспрессивность) – это хорошо, следовательно, оно вызывает эмоцию восхищения, восторга (эмотивность).

Таким образом, перечисленные обстоятельства относятся к объективным трудностям в разграничении категорий эмотивности, оценочности и экспрессивности. Однако они, тем не менее, не дают основания считать эти понятия категориями одного порядка.

Детальное изучение содержания и структуры категорий оценочности, эмотивности и экспрессивности приводит к необходимости установления характера соотношения между этими категориями, определения их общих и дифференциальных признаков, особенностей их взаимосвязи и взаимодействия.

1. Общие признаки

1. Все три изучаемые категории являются по своей сути антропологическими категориями, так как они в совокупности и каждая в отдельности объективируют в смысловой структуре соответствующих слов субъективное отношение языковой личности к миру реальной действительности. Так, в категории оценочности отражается ценностная картина мира, в категории эмотивности – эмоциональная картина мира (мир человеческих эмоций), в категории экспрессивности – образная картина мира. (Образ здесь понимается широко: как чувственно-наглядное представление о предмете (образ предмета) или как образ знака (слова)).

2. Все три категории являются семантическими категориями, т.е. они семантически значимы, поскольку языковые единицы, обладающие признаками оценочности, эмотивности и экспрессивности, несут в себе гораздо больший объем информации, нежели нейтральные в этом отношении единицы. Субъективно окрашенные языковые единицы передают информацию не индифферентно, а опосредованно через эмоционально-чувственные переживания. Эта семантическая значимость особенно хорошо выявляется при сопоставлении с нейтральными синонимическими коррелятами. Например: НЕБО 1, высок. НЕБЕСА 2, необиход. НЕБОСВОД, поэт. НЕБОСКЛОН, поэт. ПОДНЕБЕСЬЕ имеют общее значение “воздушное пространство высоко над землей или представляющийся глазу купол, который как бы ограничивает это пространство, накрывая землю, и зрительно воспринимается как местоположение светил, выше которого нет ничего”. При дальнейшем семантическом анализе обнаруживается пять дифференциальных признаков слов, входящих в данный синонимический ряд, причем три из них относятся к рациональной информации, а два – к коннотативной, а именно: а) выражает ли слово отношение говорящего к объекту (ср. небеса) или нет (ср. небо); б) имеет ли слово коннотации (здесь имеются в виду признаки, не входящие непосредственно в лексическое значение слова, а лишь сопотствующие ему, – В.Ц.) (небо и небеса ассоциируются с некоей высшей силой, в руках которой находится жизнь человека). (5, с.214).

На уровне лексического значения слова категория оценочности, эмотивности и экспрессивности реализуются в специализированных семантических компонентах: аксиосемах, эмосемах и экспрессемах. Эти семы, будучи репрезентантами соответствующих семантических категорий, могут входить как субкомпоненты в различные макрокомпоненты (суперкомпоненты) семантической структуры слова: денотативно – сигнификативный, коннотативный или сопутствовать лексическому значению на уровне потенциальных сем.

Так, например, эмосема в слове “сердиться” входит в денотативный макрокомпонент в статусе ядерной, категориально – лексической семы, в слове “домишко” – в статусе коннотемы, в слове “война” – в статусе ингерентной потенциальной семы.

Аксиосема также может занимать разные позиции в семантической структуре слова: денотативно – сигнификативную в собственно оценочных словах типа

“хороший”/ “плохой”, “добро”/“зло”; коннотативную – в слове “кляча” плохая, дряхлая лошадь; потенциальную (ситуативно обусловленную) – в словах типа “коммунист”, “десмократ” (слова с адгерентной оценочностью).

Экспрессема входит в денотативный макрокомпонент в экзотизмах, историзмах, неологизмах и т.п. в случае, если такого рода лексические единицы не подвергаются семантическому переосмыслению. При переносном употреблении экспрессема занимает уже денотативно-коннотативную позицию, за счет чего в целом усиливается экспрессивность слова и, следовательно, его эмоционально-оценочный потенциал. Ср.: “калым” в значении выкуп, выносимый женихом родителям невесты (у народов Востока) и перен., неодобр. Деньги за работу, незаконно выполненную по частному заказу.

В коннотативном макрокомпоненте экспрессема содержится в метафорах, словах с модификационными суффиксами, идеофонах и др.

В статусе потенциала экспрессема присуща большинству слов и может актуализироваться в определенном контексте или ситуации. (Ср., н-р, слово “шкаф” у А. Чехова или “туфля” у М. Цветаевой).

4. Наличие в словарном составе оценочной, эмотивной и экспрессивной лексики, а также слов с различными комбинациями данных признаков свидетельствует о системности категорий оценочности, эмотивности и экспрессивности.

В парадигматике экспрессивность, эмотивность и оценочность исчисляются в семах, ЛСВ или значениях. Они присущи языковой системе и могут воспроизводиться (а не создаваться) в речи.

В то же время функционально коннотативные смыслы могут создаваться в тексте (речи) и использованием более разнообразных приемов и средств (инверсия, просодические средства, языковая игра и т.п.).

5. Общим признаком у экспрессивности, эмотивности и оценочности следует признать и факт их мотивированности (14, с.13). Они мотивированны либо фонетически, либо морфологически, либо семантически, либо структурно, а также в различных сочетаниях. Отсюда вытекает и такой их интегральный признак, как общие средства / способы выражения/ проявления/ создания.

Инвентарь таких средств достаточно разнообразен, однако общим для них является многокомпонентность, многозначность, это означает, что они манифестируют одновременно, как минимум, три значения. Например, такое средство, как звуко-символизм, т.е. фонетически мотивированная связь между фонемами слова и полагаемым в основу номинации незвуковым (неакустическим) признаком денотата, в словах типа “фифа” (прост. неодобр.) женщина, девушка, обращающая на себя внимание своей внешностью, нарядом, поведением, “бубнить” (разг. неодобр.) говорить быстро и монотонно, неразборчиво репрезентирует одновременно три созначения: оценочность (пейоративность), эмотивность (неодобрение) и экспрессивность (уникальность). Такую же трехчастную структуру мы можем определить и для других средств выражения субъективной окрашенности лексических единиц (суффиксы субъективной оценки, метафоричность и т.д.).

Таким образом, выделенные общие признаки категорий оценочности, эмотивности и экспрессивности свидетельствует о том, что это категории соотносительные, что проявляется как в содержательном плане, так и в плане выражения. Однако этот факт не может быть основанием для их смешения и установления между ними знака равенства. Этому препятствуют их дифференциальные признаки.

II. Дифференциальные признаки:

1. Дифференциация анализируемых категорий основана на их различной природе.

Оценочность связана с логическими категориями ценности и оценки. Под ценностью при этом понимаются как явления внешнего мира (предметы, вещи, события, поступки), так и факты мысли (идеи, образы, научные концепции), т.е. то, что оценивается, предмет оценки. Оценка же есть мыслительный акт, являющийся результатом оценочного отношения к этому предмету. Найдя предмет (или его свойство) полезным, приятным, добрым, красивым и т.п., субъект совершает оценку. Оценка, следовательно, зависит от свойств оцениваемого предмета и характера того стандарта, идеала, образца, с которым соотносится данный предмет (2, с.12).

Представляя собой рациональный (интеллектуально-логический) акт, оценка фиксируется в семантической структуре слова в виде специализированных семантических компонентов. В том случае, если оценка затрагивает психическую сферу, когда она является стимулом чувства-переживания в связи с предметом оценивания, на рациональную оценку “наслаивается” эмоциональная оценка. Ср. у М.Булгакова в “Собачьем сердце” выражения, которые ошпаренный кипятком пес Шарик использует в своем внутреннем монологе для “уничтожения” повара: “Жадная тварь! Вы гляньте когда-нибудь на его рожу: ведь он поперек себя шире. Вор с медной мордой” и эмоционально нейтральную, но оценочно маркированную дескрипцию этого пассажи: “Жадный человек! Вы посмотрите когда-нибудь на его внешность (или лицо): ведь он шире собственного роста. Вор с красным, лоснящимся лицом” (Пример по: 10, с.33).

Эмотивность связана с психической стороной человеческой деятельности. “Эмоциональная сфера человека является отдельным пластом психического образа, который как бы надстраивается над познавательным и потому занимает положение между этим образом и внутренними психическими образованиями (потребностями, опытом и т.п.). При такой “локализации” эмоции легко вписываются в строение образа как носителя субъективного отношения к тому, что в нем отражается, и тем самым формируется эмоциональный образ объекта мира (2, с. 9).

Отображение видového опыта эмоционального состояния говорящего локализуется в смысловой структуре соответствующих слов как образа тех объектов, с которыми они соотносятся. Это отображение кодируется специфическими семантическими компонентами, которые формируют эмотивность слова, т.е. его семантическую способность репродуцировать в соответствующих типизированных условиях видовой опыт вербального выражения определенных эмоциональных отношений субъектов к тому, что несет данное слово – образ. “Эмоция “хранится” в слове в виде идеи о ней, эта идея может “оживать” и “разворачиваться” до соответствующей данному моменту переживаемой человеком эмоции” (16, с.13).

Экспрессивность связана со способностью человеческого мышления выделять факты, явления, действия, качества из ряда соположенных по признаку нерегулярности, необычности, интенсивности, яркой образности и т.п. или же наделять те или иные предметы, явления особыми качествами, создавать яркий образ предмета на основе ассоциативных сближений, сравнений и т.п. В основе экспрессивности лежит представление, т.е. наглядность, зрительность, “картинность” предмета или явления. И чем ярче будет этот образ-представление, тем выше будет степень экспрессивности слова, включающего этот образ в свою семантику. “Субкомпонентами экспрессивности, таким образом, является образность и необразные языковые средства, имеющие экспрессивный потенциал и реализующие себя на более высоких уровнях как эмоционально-оценочные и в целом коннотативные языковые средства” (7, с.59).

Экстралингвистические основы экспрессивности носят объективно-субъективный характер. Они объективны, поскольку в самой реальной действительности явления, действия признака, состояния могут различаться своими качественно-количественными характеристиками, выделяться на фоне других, т.е. обладать “объективной экспрессией” (4, с.4).

Экспрессивность субъективна, поскольку эти характеристики определяются субъектом, т.е. они опосредованы его когнитивным и эмоциональным восприятием и соотнесены с определенной нормативной шкалой.

Например, когда действие обозначается глаголами-интенсивами “мчаться” и “плестись”, это означает, что движение осуществляется быстрее нормы или медленнее нормы, но это соответствие/ несоответствие определяет субъект речи и номинирует с помощью соответствующих знаков, в которых закреплено его отношение к данному явлению. Напротив, референт слова “березонька” никак не выделяется на фоне остальных, ему подобных предметов. Выделяется он в сознании субъекта, в его чувственном отношении к данному объекту, что тоже находит выражение в соответствующих экспрессивных языковых знаках.

2. Функциональные различия категорий оценочности, эмотивности и экспрессивности состоит в том, что оценочность выполняет аксиологическую функцию, т.е. отражает мнение субъекта по поводу ценности того или иного предмета, явления, действия и т.д.; эмотивность служит для выражения чувств человека, т.е. выполняет аффективную функцию; экспрессивность направлена на усиление знака – сигнала, увеличение воздействующей силы сказанного с целью лучшего, оптимального донесения логической и эмоционально-оценочной информации до адресата путем выделения, подчеркивания ее в целом или в какой-то части, т.е. выполняет прагматическую функцию.

3. Из вышесказанного вытекает следующее различие анализируемых категорий, касающихся их направленности и зависимости от наличия/отсутствия адресата. Эмотивность и оценочность не всегда предполагают наличие адресата, поскольку они могут быть не направлены на него, а сосредоточены на отправителе, агенте; экспрессивность же сосредоточена на получателе, в ней заключается прагматическое намерение: “воздействовать на получателя информации в нужном говорящему направлении, заставить его что-то сделать, удовлетворить просьбу, вызвать в нем определенные чувства, оскорбить или обласкать” (15, с.58-59), т.е. направлена на перлокутивный эффект.

4. К дифференциальным признакам эмотивности и оценочности, с одной стороны, и экспрессивности, с другой стороны, относится наличие /отсутствие референта. Как указывает В.И.Шаховский, (и мы можем с ним согласиться) “экспрессивность предполагает его наличие, так как она направлена на него. В случае т.н. self expression референт не обязателен” (14, с.17). (Ср., например, искусственные слова типа “го оснег кайд” и т.п. в произведениях поэтов-футуристов).

Эмотивность и оценочность являются всегда направленными на конкретный референт. Они результат его факта и представляют собой реакцию агента на этот референт, а “экспрессивность может быть не столько реакцией, сколько стимулом для референта” (там же).

5. Экспрессивность, в отличие от эмотивности и оценочности, является не только выразительным, но и изобразительным средством речи. (Ср. художественно-изобразительные метафоры: Пуховый платок твоего снегопада” (В.Луговский); “солнце сыпало овес из горячей печи (М. Исаковский) и т.п.). В этих случаях в поэтических текстах сложные образы (“снег – ткань”. “снег – пух” в 1-м фрагменте и “солнце – зерно”, “солнце-печь” во 2-м фрагменте) являются художественным средством, т.е. выполняют эстетическую функцию, эмоциональность здесь вторична, а оценочность отсутствует (или остается в латентном виде).

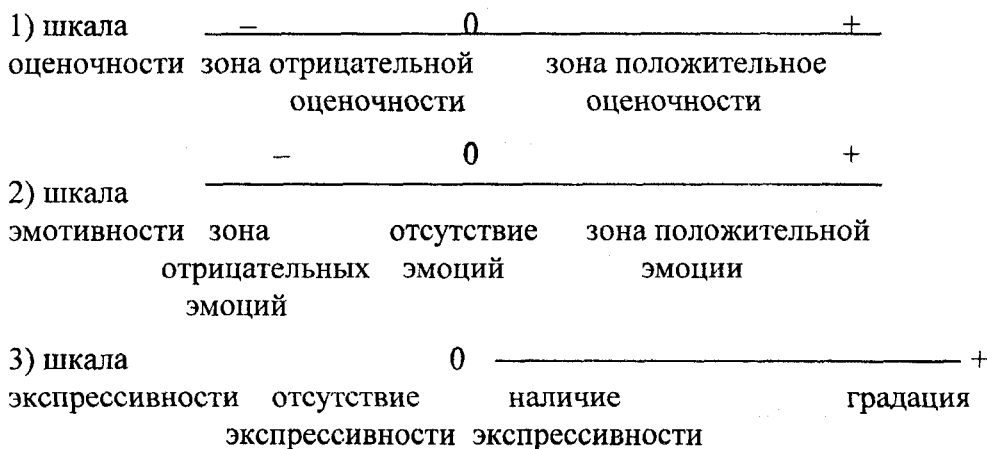
Поскольку изобразительные средства речи относятся к области стилистики, именно поэтому экспрессивность представляется лингвистам в большей степени стилистической категорией, а эмотивность и оценочность – лингвистическими категориями.

6. Признав за категориями оценочности, эмотивности и экспрессивности статус семантических категорий, следует сделать оговорку, что экспрессивность, в отличие от оценочности и эмотивности, является не только семантической, но и формальной категорией, поскольку она в большей степени связана именно со средствами, т.е. с формой, планом выражения. В связи с этим некоторые лингвисты вообще отказывают экспрессивности в статусе семантической категории (6). Мы же считаем, что экспрессивность – категория двуплановая, так как она, с одной стороны, может быть связана с яркостью, необычностью содержания, с другой – выделять, подчеркивать эмоционально-оценочное содержание с помощью необычного, нерегулярного или образного средства. Крайним случаем формализации экспрессивности являются т.н. искусственные слова, лишенные содержания или же представляющие его в завуалированном, закодированном виде, декодировка которого возможна только для очень узкого круга пользователей.

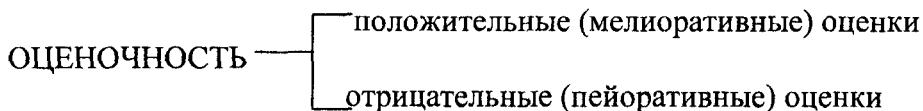
Таким образом, эмотивность и оценочность – это семантические категории, а экспрессивность – формально-семантическая, она занимает подчиненное положение, поскольку “обслуживает” категории эмотивности и оценочности с помощью своих средств.

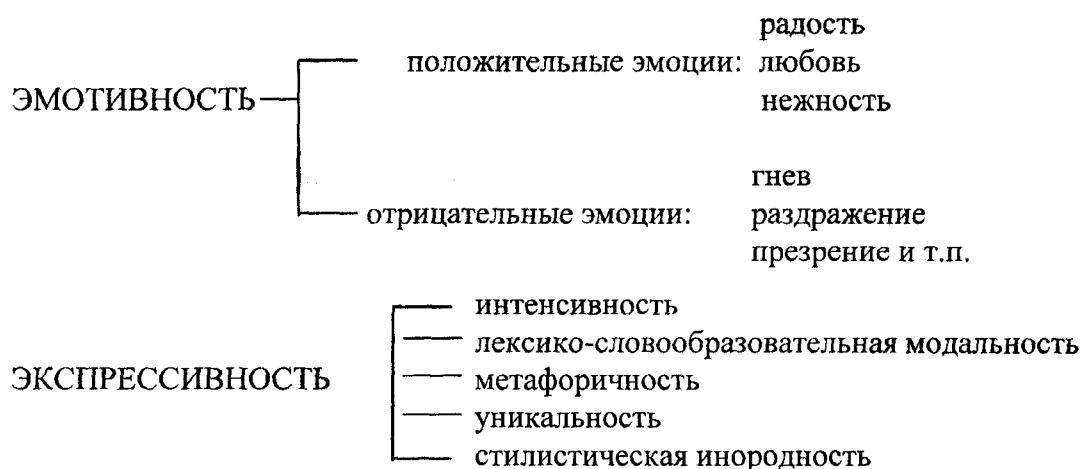
7. На семном уровне эмотивность и оценочность, репрезентантами которых являются специализированные семы – эмосемы и аксиосемы, могут входить как в коннотативный макрокомпонент семантики, так и в денотативный, причем они могут составлять ядро, основу лексического значения (предметно-понятийное содержание), экспрессема же, как семный представитель экспрессивности, составлять все лексическое значение слова не может, она только сопутствует концептуальному содержанию.

8. Если использовать для каждой из анализируемых категорий метод шкалирования, то обнаруживается, что шкалы эмотивности и оценочности двунаправлены, а шкала экспрессивности однонаправлена. Это можно представить следующим образом:

9. Каждая из исследуемых категорий имеет собственную структуру, особый объем содержания и разный набор входящих в них элементов.

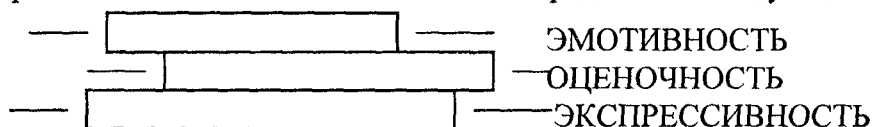

Таким образом, проведенный сопоставительный анализ категорий оценочности, эмотивности и экспрессивности позволяет сделать вывод о том, что эти категории обладают определенным набором общих и дифференцированных признаков, которые свидетельствуют, с одной стороны, об их автономности, с другой стороны, об их взаимосвязи. При этом наиболее тесную взаимосвязь обнаруживают оценочность и эмотивность, которые совпадают по многим параметрам, результатом чего, в частности, является такое сложное семантическое объединение, как “эмоциональная оценка”.

Случаи одновременной реализации оценочности, эмотивности и экспрессивности, т.е. наложение этих категорий друг на друга, в силу своей частности “создают видимость их облигаторности по отношению друг к другу” (14, с.22). На самом же деле категории могут как обязательно сопутствовать друг другу, так и выступать автономно, о чем свидетельствуют их дифференциальные признаки.

Наложение шкал экспрессивности, эмотивности и оценочности показывает, что у них есть общие зоны для всех трех категорий, зоны, объединяющие две категории, и нейтральная зона. Схематично это можно представить следующим образом:

Эти шкалы подвижны, они могут передвигаться относительно друг друга, в результате чего образуются новые участки совстречаемости. Вследствие разнообразной комбинаторики категорий оценочности, эмотивности и экспрессивности выделяются соответствующие группы (типы) слов и ЛСВ, включающих в свою семантику различные сочетания экспрессивных, оценочных и эмотивных компонентов. Эти типы лексико-семантических единиц (ЛСЕ) выглядят следующим образом:

Категория тип слов	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
Оценочность		■	■			■	■	
Эмотивность			■	■	■	■	■	
Экспрессивность				■	■	■	■	■

I тип – нейтральные ЛСЕ: стол, тетрадь и т.п.;

II тип – собственно-оценочные ЛСЕ: хороший, вкусный, зло и т.п.;

III тип – оценочно-эмотивные ЛСЕ: молодец, подлец, сообщник и т.п.;

IV тип – собственно эмотивные ЛСЕ: любовь, уныние, увы, ах и т.п.;

V тип – экспрессивно-эмотивные ЛСЕ: “луны пшеничный каравай” (Клычков) и т.п.;

VI тип – экспрессивно-эмотивно-оценочные ЛСЕ: кипятком (о человеке), по-этишка и т.п;

VII тип – экспрессивно-оценочные ЛСЕ (интенсивы): гикнуть, наддать и т.п;

VIII тип – собственно-экспрессивные слова: дедюктивные романы и др.

Выделенные 8 типов ЛСЕ, характеризующихся различным сочетанием экспрессивности, эмотивности и оценочности в их семантике, можно принимать с определенной долей условности, поскольку в данном случае учитывается только превалирование той или иной категории по сравнению с другой; глубинный же семантический анализ показывает, что на семном уровне отношения между данными категориями выглядят гораздо сложнее.

Так, если оценочный компонент (аксиосема) входит в предметно-понятийное содержание слова, составляющее ядро лексического значения собственно оценочных слов, то это неизбежно порождает, по принципу взаимообусловленности, эмосему в коннотативном макрокомпоненте:

Д/С (аксиосема) — К(эмосема): хороший/ плохой;

Соответственно, эмосема в денотативно-сигнификативной позиции обуславливает появление аксиосемы в коннотативной части лексического значения;

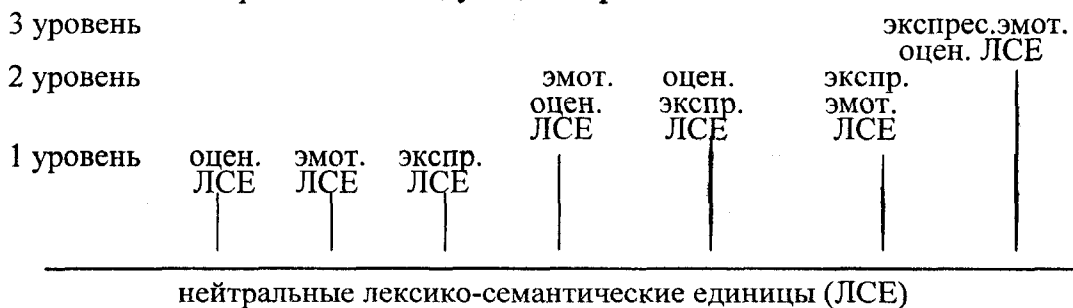
Д/С (эмосема) — К (аксиосема): любовь/ ненависть.

Сопутствующим эффектом экспрессивности слов, содержащих экспрессему в денотативно-сигнификативной части (экзотизмы, историзмы, сленгизмы и т.п.), становится появление эмосемы и аксиосемы в коннотативной части лексического значения таких слов:

Д/С(экспрессема) — К(эмосема + аксиосема): каста (перен.)

Таким образом, отношения между категориями экспрессивности, оценочности и эмотивности можно определить как отношения взаимообусловленности и взаимоинтенсирования. В случае совстречаемости, наложения этих категорий они способствуют взаимному усилению, в случае же превалирования одной из них остальные могут быть эксплицированы или же выражены слабее, при этом их позиции в семантической структуре слова могут быть различны.

Сравнение выделенных признаков категорий экспрессивности, эмотивности и оценочности показывает, что эти категории характеризуются относительно друг друга отношениями частичного различия между частично сходными явлениями, что указывает на их определенную оппозиционность. Вместе с тем все эти категории в отдельности, в различных сочетаниях и в совокупности противопоставлены обобщенной категории нейтральности как показателю субъективно окрашенных и субъективно ориентированных компонентов в семантике лексических единиц. В этой оппозиции выделяется три уровня в зависимости от количества вступающих в противопоставление к нейтральным лексико-семантическим единицам (слова и ЛСВ) ненейтральных категорий. Схематично это можно представить следующим образом:

Литература

1. Вилюнас В.К. Основные проблемы психологической теории эмоций // Психология эмоций. Тексты. – М., 1984.
2. Ивин А.А. Основания логики оценок. – М., 1970.
3. Кожина М.Н. О языковой и речевой экспрессии и ее экстралингвистическом обосновании // Проблемы экспрессивной стилистики. – Ростов-на-Дону, 1987.
4. Лукьянова Н.А. О соотношении понятий экспрессивность, эмоциональность, оценочность // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Сб. науч. тр. Вып. 5. – Новосибирск, 1976.
5. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск. /Под общим рук. акад. Ю.Д. Апресяна/. – М., 1997.
6. Ретунская М.С. Аксиологическая лексика английского языка. – Нижний Новгород, 1996.
7. Солодуб Ю.П. Структура лексического значения // Филологические науки. – 1997. – №2.
8. Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. – М., 1975.
9. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка /Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства/. – М., 1985.
10. Телия В.Н. О различии рациональной и эмотивной (эмоциональной) оценки // Функциональная семантика: Оценка, экспрессивность, модальность. – М., 1996.
11. Филиппов А.В. К проблеме лексической коннотации // Вопросы языкознания. – 1978. – №1.
12. Харченко В.К. Взаимодействие коннотативных признаков, созначений в семантике слова // Лексические и грамматические компоненты в семантике языкового знака. – Воронеж, 1983.
13. Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. – М., 1991.
14. Шаховский В.И. Проблема разграничения экспрессивности и эмотивности как семантических категорий лингвистики // Проблемы семасиологии и лингвостилистики. – Рязань, 1975. Вып. 2.
15. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. – Воронеж, 1987.
16. Шаховский В.И. О лингвистике эмоций // Язык и эмоции. – Волгоград, 1995.

Теория текстовых напряжений и художественная проза С.Н. Есина

В.К. Харченко

Наблюдения над идиостилем писателя или поэта дают возможность выявить не только индивидуальные характеристики творческой манеры художника слова, но и нарождающиеся в художественной ткани стилистические феномены, предвестником, инициатором, а подчас и первым глашатаем которых становится тот или иной писатель, поэт. Так, вне художественной прозы современного писателя Сергея Николаевича Есина мы вряд ли бы поставили вопрос о выделении стилистической категории плотности текста. Плотность понимается как сверхинформативность, отсутствие "пустот" в языковой форме. Языковая форма становится заметной, "видимой", слегка завораживающей, то пародийной, интригующей, то, напротив, пафосной, высокой. Внимание читателя приковывает если не каждое слово, то каждое предложение. Создается эффект насыщенной языковой формы, сохраняющей, однако, статус формы, не превращающейся в монстра, мешающего восприятию текста.

Плотностью повествования в творчестве С.Н. Есина отличаются романы "Имитатор", "Соглядатай", "Гладиатор" и в еще большей степени роман-антиутопия "Казус, или Эффект близнецов".

Раскрытию категории плотности в художественном творчестве С.Н. Есина мы посвятили книгу (М.: Современный писатель, 1998. – 240 с.). Теперь остановимся на том, чего в книге нет, что не включено в предыдущий анализ.